

Отныне я всякую минуту в вашем распоряжении. Ведь я, сэр, – сказал Онтлак, – по воле Господа совсем недавно был ранен проезжим рыцарем в оба бедра, иначе же я бы сегодня бился против вас сам.

– Если бы на то была Божья воля, – сказал сэр Артур, – то я не пострадал бы так тяжело. А почему, сейчас открою вам причину. Я не был бы столь жестоко изувечен, будь при мне мой собственный меч, который изменой оказался у меня украден; и весь этот поединок был задуман заведомо для моей погибели, и на то употреблены были предательство и волшебство.

– Увы, – сказал сэр Онтлак, – превеликой жалости достойно, что вот есть столь благородный человек, как вы, прославленный вашими подвигами, вашей доблестью, и находится мужчина или женщина, которые против вас питают измену в сердце своем.

– Они получают по заслугам, – молвил Артур. – А теперь ответьте мне, – спросил Артур, – далеко ли я от Камелота?

– Сэр, вы оттуда в двух днях пути.

– Я хотел бы попасть в Господню обитель, – сказал сэр Артур, – дабы мне отдохнуть там и набраться сил.

– Сэр, – отвечал Онтлак, – здесь поблизости находится богатый женский монастырь, некогда основанный вашими предками, всего лишь в трех милях отсюда.

И король простился со всеми, сел на коня и поскакал, и сэр Акколон за ним.

Когда же приехали они в монастырь, он повелел сыскать лекарей, дабы они осмотрели его раны и Акколоновы тоже. Но сэр Акколон на исходе четвертого дня умер, ибо он слишком истек кровью и не мог жить, король же Артур поправился совсем. Когда умер Акколон, он отправил в Камелот его тело на колеснице в сопровождении шести рыцарей и приказал:

– Свезите его к сестре моей Фее Моргане и скажите ей, что я шлю ей его в подарок. И еще скажите ей, что мой меч Экскалибур и ножны – у меня.

И они отбыли с телом Акколона.

13

Тем временем Фея Моргана полагала, что король Артур убит.

И вот видит она однажды, что король Уриенс лежит и спит на своем ложе, позвала она девицу из своих доверенных и приближенных и говорит:

– Ступай принеси мне меч господина, ибо не было еще удобнее мгновения, чтобы зарубить его.

– Ах, госпожа, – сказала та девица, – если вы зарубите господина, то не избежать вам кары.

– Об этом не заботься, – отвечала Моргана. – Вижу я, что сейчас самое подходящее для этого время, а потому поторопись и скорее принеси мне меч.

Пошла девица и явилась к сэру Ивейну, который спал у себя на ложе в другом покое. Разбудила она сэра Ивейна и просит его:

– Подымайтесь и последите за вашей матерью, ибо она замыслила убить спящего короля, вашего отца, и я послана принести ей меч.

– Ладно, – отвечал сэр Ивейн, – иди и исполни поручение, остальное же предоставь мне.

Вот принесла девица королеве меч в дрожащих руках. Та взяла его спокойно, вынула из ножен и подходит преспокойно к ложу мужа своего, выбирает, где и как лучше нанести удар. Но когда она уже замахнулась мечом, готовая разить, выскочил сэр Ивейн, бросился на мать, схватил ее за руку и сказал:

– А, дьяволица, что задумала ты сделать? Не будь ты мне матерью, я бы вот этим же мечом отсек прочь твою голову! Увы, – сказал сэр Ивейн, – люди говорят, что Мерлин рожден от дьяволицы, но меня уж воистину родила на свет дьяволица во образе человеческого.

– О добрый мой сын Ивейн, сжался надо мною! Дьявол меня попутал, и потому взываю я к твоему милосердию. Никогда больше не сделаю я этого. Спаси же честь мою и не выдавай меня!

– На том условии я прощу вас, – отвечал сэр Ивейн, – что никогда более и помышлять вы не станете о подобных делах.

– Никогда, сын мой, и в том я вас заверяю.